

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
февраль 1981 г.

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

8. Watanabe Shoko, Japanese Buddhism, Tokyo, 1970, с.50.
9. С.А.Арутюнова, Г.Е.Светлов, Старые и новые боги Японии. М., 1968, с.72-73.
10. В 1980 г. численность верующих по школам была следующей: Тэндэй - 780 091, Сингон - 3 032 743, Дзэн направления Риндзай - 2 362 466, последователи всех старых школ периода На-ра - немногим более 150 000; в то время как Дзэн направления Сото - 6 758 466, Дзёдо (вместе с родственной ей Дзёдо Син) - 17 849 738, Нитирэн (вместе с Сока-гаккай) - 12 290 186. (См. Saunders, E.Dale. Buddhism in Japan, Philadelphia, с.297-299).

С.Г.Кляшторный

ИМУЩЕСТВЕННАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ОБЩИНЕ

(по данным рунических памятников)

Древнетюркская община VI-VIII вв. (türk qara qamaу bodun "весь целиком тюркский народ"), как и родственные с ней общины древних уйгуров (VI-IX вв.) и енисейских кыргызов (VIII-XI вв.), была территориальным объединением группы этнически родственных племен, идеологическая связь которых определялась искусственной генеалогией, а политическое единство - общей военно-административной организацией (el) во главе с ханом (qan, qaуan) и общими правовыми нормами (törü). Родо-племенная (bodun) и политическая (el) организации взаимно дополняли друг друга, определяя плотность и прочность социальных связей; хан "держал эль и возглавлял бодун" (E 45, стк. I).¹

Высшим сословием древнетюркской общины были беги (türk begler), аристократия по крови, по праву происхождения из рода, особый статус которого в руководстве делами племени считался неоспоримым, освященным традицией. Элитой аристократии по крови был в Тюркском эле каганский род Ашина, а в государстве уйгуров - каганский род Яглар. Вместе с несколькими другими знатными родами, иерархия которых была общеизвестна и общепризнана, они составляли верхушку, правящую делами своей общины, наиболее привилегированную часть сословия бегов. Другим сословием той же общины был igil qara bodun "простой народ". Фиксируемые руническими памятниками случаи обострения сословных или межплеменных отношений внутри об-

щины, иногда приводившие к ее распаду, сводятся к обострению двух-ступенчатых социальных оппозиций, проявившихся внутри структуры "каган (группировка правящих родов) - беги (племенная аристократия) - простой народ":

каган и беги \Leftrightarrow простой народ

беги и простой народ \Leftrightarrow каган

Каган, олицетворявший единство общины и в наибольшей степени эксплуатировавший ее военный и хозяйственный потенциал, более других был заинтересован в приглушении существовавших оппозиций, свидетельством чему являются каганские надписи-манифесты. Лейтмотивом содержащихся там деклараций являются призывы к единству бегов и народа и их покорности кагану. Поддержание единства общины было главной заботой правящих групп внутри каганата (макрообщины) и каждого племени (микрообщины). Межсословный или межплеменной конфликт приводил к резкому ослаблению или распаду общины и государства, созданного этой общиной.

Если каган был олицетворением и вершиной общины, то ее основанием было сообщество полноправных членов рода и племени, носивших единое наименование *er* "муж-воин". Именно в применении одного термина для обозначения любого члена общины, высшего или низшего, декларировалось хотя бы и фиктивное социальное и правовое равенство всех взрослых мужчин племени, а тем самым ослаблялось проявление постоянных социальных оппозиций, что способствовало сохранению нестойкого единства общины.

Эром, "мужем-воином", становился по праву рождения любой юноша, достигший определенного возраста и получивший *er aty* "мужское (геройское, воинское) имя", будь он одним из сотен рядовых воинов или принцем крови (тегином). Получение "мужского имени" было связано с обрядом инициации, которому предшествовало совершение мальчиком охотничьего или воинского подвига. Такого рода подвиги упомянуты, например, в надписи из Ихэ Хупоту (стк. 18):² "в семь лет Кули-чор убил горную козу, а в девять лет - дикого кабана". В десять лет получили свое "мужское имя" Киль-тегин (КТБ 30-31).³ Более подробно обряд инициации описан в огузском эпосе "Книга моего деда Коркута" - сын хана Бай-Буры, пятнадцатилетний юноша, нарекается мужским именем только после "пролития крови" врага.⁴

Фактическое положение "мужа-воина" в племени зависело от многих факторов, главными из которых были его знатность (принадлежность к определенному роду и семье) и его богатство. Имущественная дифференциация внутри древнетюркских племен, как и у других кочевников Центральной Азии, была весьма значительной. Богатство стало

предметом гордости и похвалы турецкой аристократии. Понятие собственности в отношении движимого имущества, включая юрты (eb, keregü) и постройки (barq), но прежде всего собственности на скот, проявляется в орхон-енисейских надписях со всей определенностью. Особенно яркие имущественные характеристики содержат кыргызские надписи. "Я был богат. У меня было десять загонов для скота. Табунов у меня было бесчисленное [множество]!" - этими словами из самоэпитафии определяет свой социальный вес в мире, который он покинул, Кутлуг бага-таркан, знатный кыргызский бег, живший в Северной Монголии во второй половине IX в. (E 47, стк. 5). Другой кыргызский бег упоминает шесть тысяч своих коней (E 3, стк. 5), т.е. по обычному соотношению в стаде между лошадьми и другим скотом, он владел более чем двадцатью тысячами голов. В некоторых надписях упомянуты также верблюды и разный скот "в бесчисленном количестве". Счастье, которое испрашивает человек у божества, даруется ему обычным благопожеланием: "да будет у тебя скот в твоих загонах!" (ЫБ XLVII).⁵

Богатым (baj, bajbar, jylsuu) противопоставлены в рунических надписях "бедняки, немущие" (суaj, joq суaj). Для автора главных орхонских памятников, Йолуг-Тегина, бедный люд, "немущий пиши внутри, не имеющий платья снаружи" - "жалкий, ничтожный, низкий народ" (jabyz jablaq bodun; КТБ 26). Бедность не вызвала сочувствия, более того, была презираема. Настоящий эр оружием добывает себе богатство: "В мои пятнадцать лет я пошел [походом] на китайского хана. Благодаря своему мужеству... я добыл в [китайском] государстве золото, серебро, одnogорьих верблюдов, людей!" (E II, стк. 9).

Яркие примеры социальной и имущественной дифференциации древнетюркского общества дают результаты археологических исследований. В сравнении с великолепными погребальными комплексами высшей знати, которые сооружали сотни людей и для украшения которых приглашали иноземных мастеров, казались невзрачными курганы простых воинов, где рядом с хозяином в полном вооружении, лежал его боевой конь под седлом. Но в беднейших погребениях не было ни дорогого оружия, ни коня, которого иногда заменял вавузданный и подпруженный баран.⁶

Маломущие эры неизбежно попадали в личную зависимость от бегов. Караханидский автор XI в., Махмуд Кашгарский, чей труд в наибольшей степени сохранил не только древнетюркский фольклор, но и культурную традицию, сложившуюся в древнетюркской среде, пишет о подобной ситуации: er begke wökündü "эр стал на колени перед бе-

гом" (МК, II, 54).⁷ Только у знатных и богатых бегов их бедные сородичи могли получить в пользование скот за обработку и службу, или стать пастухами громадных табунов и стад бега. Из обедневших эров формировалась постоянная дружина бега и его челядь, ходившая с ним в набег и поход, защищавшая его стада и имущество, прислуживающая бегу в повседневном быту. Каждого из них Махмуд Камгарский называет *qulug er* "эр, подобный рабу" (МК, III, 128).

Содержать большое число зависимых сородичей могли только богатые беги. В свою очередь, от числа дружинников и челяди зависела способность бега приобрести и сохранить богатство, престиж и положение. Махмуд Камгарский приводит поговорку—двустишие, бытовавшую в древнетюркской среде (МК, I, 362):

Tavar kimin üklise beglik
anar kergejür
Tavarsuzun qalup beg erensizin
emgejür

У кого приумножается имущество, тому и подобает быть бегом.

Оставшись без богатства, бег страдает из-за отсутствия эров.

Бег не может сохранить свой престиж без зависимых от него эров. Лишившийся скота и обедневший эр не может прожить без материальной помощи и защиты бега. Но даже самый бедный из эров, не брезгующий подаянием, сохранял известную независимость и свободу по отношению к бегу—сородичу.⁸ И какими бы конфликтами не отягощались отношения между бедными и богатыми эрами, между двумя основными условиями, составлявшими бодун — бегами и "простым народом", община в целом противостояла другой группе населения древнетюркского эля — полностью зависимых от эров невольникам (*qul kün* "невольники и невольницы"), которые даже влившись в семьи своих хозяев, не стали членами древнетюркской общины. Именно кулы—невольники и были бесправной социальной периферией древнетюркского общества.

1. Енисейские рунические надписи (Е) здесь и далее цитируются по изданию: С.Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952. Цифра вслед за сиглом указывает номер надписи по цитированному изданию.
2. По изданию: G. Clauson, E. Tryjarsky, The inscription at Ikhe Khushotu. — "Rocnik Orientalistyczny", t.34, 1971, № I, с. 7—33.
3. Надпись в честь Кюль-тегина цитируется по изданию: С.Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951, с. 27—33.

4. Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. Перевод академика В.В.Бартольда. М.-Л., 1962, с.33-34.
5. Ирк битиг ("Книга гаданий") цитируется по изданию: С.Е.Малов. Памятники древнетюркской письменности, с.83.
6. А.Д.Грач, Археологические раскопки в Монгун-тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.). - "Труды Тульской комплексной археолого-этнографической экспедиции", т.1, М.-Л., 1960, с.18-40.
7. Труд Махмуда Кашгарского цитируется по изданию: Divanü lûgat-it-türk tercümes. Ceviren Besim Atalay, t.I-III. Ankara, 1939-1941.
8. [А.П.Ковалевский], Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.-Л., 1939, с.63.

А.И.Колесников

ПРОБЛЕМЫ АРАБО-САСАНИДСКОЙ НУМИЗМАТИКИ В СВЯЗИ С ИЗУЧЕНИЕМ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В ИРАНЕ УП ВЕКА

В экономической истории Ирана УП века заслуживает специального исследования семидесятилетний период с 30-х гг. до рубежа УП-УШ вв. Верхний и нижний пределы в денежном обращении страны были переломными. Конец 20-х - начало 30-х гг. УП в. были ознаменованы резкими количественными переменами в эмиссии денег, вызванными политическими и экономическими причинами, а рубеж УП-УШ вв. был отмечен кардинальными качественными изменениями, обусловленными прежде всего соображениями идеологического порядка.

Состояние денежного хозяйства внутри этого периода переживает два этапа. Первый, совпавший с внутренней междоусобицей и последовавшей за ней военной экспансией ислама, характеризуется резким сокращением эмиссии. Второй этап начинается с середины УП в., с момента полного политического подчинения Ирана арабами; он примечателен заметным оживлением эмиссии, которая, с одной стороны, продолжает традиции сасанидского чекана, а с другой - привносит в него элементы новой государственности. С 50-х годов и до конца УП в. монетные дворы восточной части Халифата чеканят монеты "сасанидского типа", иначе арабо-сасанидские, которые от прежних сасанидских вычеканов отличаются дополнительными кораническими легендами и заменой имени шаханшаха именем халифа или одного из его наместников. Реформа Абдалмелика б.Марвана вводит в обращение кувчиские омейядские